

„различные и высочайшие саны“. Однако в подлинном тексте Степенной книги, как и в Стоглаве и в Хронографе, нет ни слова об А. Адашеве, а между тем именно к нему заставил обратиться Ивана Грозного автор фальсификации. Это может навести на мысль, что в руках автора „речи“ был какой-то документ, где именно А. Адашеву приписывается руководство специальным учреждением, ведавшим разбором челобитных. На такой именно точке зрения в настоящее время стоит С. О. Шмидт. По его мнению, „вставка в Хрущевскую Степенную книгу свидетельствует о серьезных познаниях ее составителя в истории времени Ивана Грозного“; „есть основания утверждать... — пишет С. О. Шмидт, — что возглавлял его (Челобитенный приказ, — А. В.) действительно... Алексей Федорович Адашев“.¹

Однако этот взгляд С. О. Шмидта вызывает возражения. Внимательный анализ сведений, сообщаемых вставкой с „речью“ в Хрущевскую Степенную книгу, позволяет нам отвергнуть мысль о том, что источниками вставки могли послужить документы XVI века, известные в конце XVII века, но не дошедшие до нас. Фактические сведения вставки не только не находят подтверждения в известных нам памятниках эпохи Ивана Грозного, но и прямо противоречат им.

Уже указывалось, что соборы XVI века никогда не происходили на Красной площади; мало того, само Лобное место в XVI веке не играло той значительной роли в общественной жизни столицы, которую оно получило впоследствии (см. об этом ниже).

Далее, речь помещена между событиями 1547 года. Ивану IV было в этом году 17 лет, а не 20-й год, как нас уверяет вставка („Егда же бысть в возрасте 20 году“). Пожалование А. Адашева в окольные произошло в 1553 году,² а не тогда, когда это утверждает памятник. Сам А. Адашев происходил не „от нищих и от самых молодых людей“, а из довольно знатного рода костромских бояр.³

Следует добавить, что сведения о выступлении Ивана IV на Лобном месте более нигде не встречаются, кроме как в единственном списке Степенной книги. Ни летопись, ни хронограф, ни разрядные записи, ни литературные источники, ни свидетельства современников ничего не говорят нам о таком исключительном событии, как созыв Земского собора на Красной площади в Москве и как публичная речь молодого царя с Лобного места.

Ясно, что и эта вставка представляет собой подделку, поскольку все ее сведения, поддающиеся проверке, противоречат действительному положению вещей в XVI веке.

Но откуда же в этой фальсификации появилось имя Алексея Адашева? Как и Стоглав, в конце XVII века была широко известна переписка Грозного с Курбским. Оба они — и царь и князь-изменник — неоднократно вспоминали в своей полемической переписке имя А. Адашева. Истинное происхождение рода Адашевых, целиком истребленного Иваном Грозным за измену, было к концу XVII века порядком позабыто, но язвительные слова о нем царя сохранились. Грозный в письмах к Курбскому называет, как известно, А. Адашева „собакой“, „батожником“, „взятым от гноища“ и т. п.⁴

¹ С. О. Шмидт, ук. соч., стр. 446.

² ДРВ, изд. 2-е, ч. XX, стр. 40.

³ См.: Н. П. Лихачев. Происхождение А. Ф. Адашева, любимца Ивана Грозного..., стр. 392.

⁴ Послания Ивана Грозного. Серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 36, 41 и др.